

Е. В. Иванова, А. М. Решетов

Формирование и исследование фондов МАЭ по Юго-Восточной Азии

В 1903 г. Музей по антропологии и этнографии преимущественно России был переименован в Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого, ареной деятельности музея признавался весь мир.

МАЭ является гигантским хранилищем коллекций по культуре и быту народов пяти континентов, представляющих собой поистине кладезь информации о мировой культуре. Отсутствие каталогов, знакомящих с содержанием его фондов, препятствовало включению их в поле зрения научной общественности. Решение актуальной задачи ленинградских этнографов — составление и издание каталогов — началось несколько лет назад публикацией в сборниках МАЭ каталогов по Кавказу, Монголии, Корее, Австралии и Океании и продолжено в настоящем сборнике публикацией каталогов по странам ЮВА.

Коллекции по народам ЮВА в МАЭ весьма представительны (около 7.5 тыс. предметов), но с точки зрения их репрезентативности, т. е. отражения культуры и быта населяющих регион этносов, крайне неравноценны (по всей материковой части ЮВА — всего около 1 тыс. предметов). Такое положение дел объясняется тем, что они «собирались» без генерального плана, в достаточной мере стихийно, при отсутствии тесных связей между Россией и странами ЮВА. Однако благодаря раннему началу этих сборов (с XVIII в.), а также просвещенности ученых, работавших в Кунсткамере (МАЭ), покровительству меценатов, энтузиазму ревнителей русского музейного дела в фонды музея попали вещи, представляющие огромный интерес для исследователей традиционной культуры народов ЮВА (прежде всего это относится к индонезийскому фонду), а к нынешнему времени в связи с набирающей темпы модернизацией стран ЮВА многие из них стали уникальными памятниками старой культуры, обладание которыми ставит наш музей в ряд лучших музеев мира.

Наряду с этим имеются вопиющие пробелы в фондах по ЮВА, неизбежно сказывающиеся на наших экспозициях: культура Вьетнама отражена неудовлетворительно (сетования на эту тему не раз приходилось выслушивать из уст вьетнамцев), по другим странам Индокитайского полуострова до 1980 г. экспозиции вообще не было, а когда она была задумана, то оказалось, что ввиду неполноты коллекций по ним можно отважиться лишь на создание обобщенной картины достижений в искусстве и ремеслах тех нескольких этносов, предметы культуры которых попали в наш музей.

Вопросы истории поступления, собирания, общей характеристики собраний МАЭ по странам ЮВА неоднократно освещались и в дореволюционный период, и советскими этнографами — в работах Т. В. Станюкович, Ю. В. Маретина, А. И. Мухлинова, А. М. Решетова, Т. К. Шафрановской, тезисах Е. С. Соболевой и др.¹ Немало сведений на эту тему содержится в статьях, посвященных

публикации коллекций в сборниках МАЭ, предусматривающих, согласно канону, рассказ об их происхождении и собирателях (особенно содержателен, на наш взгляд, рассказ о собирателях А. С. Эстрине и А. Я. Смотрицкой в статье В. Г. Трисман, посвященной публикации их коллекций). Есть и жанр научной биографии собирателя, представленный, к сожалению, единственной в своем роде статьей М. В. Станюкович о Р. Ф. Бартоне.² Однако весь этот ценнейший материал рассеян по отдельным изданиям и фрагментарен. Сейчас, когда Е. С. Соболевой и И. В. Сусловой составлены и публикуются в настоящем сборнике каталоги коллекций по островной и материковой части ЮВА, мы сочли уместным сопроводить их комментарием, имея в виду помимо попытки обобщения разрозненных данных, проливающих свет на происхождение и изучение этих коллекций, воздать по заслугам всем тем сотрудникам МАЭ, которые в разное время принимали, хранили, регистрировали, создавали музейные экспозиции и исследовали эти вещи.

Начнем с информации о времени и источниках поступления самих коллекций по ЮВА.

Азиатский, или Восточный, «кабинет», образованный наряду с другими на базе коллекций Кунсткамеры после окончания войны 1812 г., сохранился в ее стенах и после того, как некоторые из отделов (Ботанический, Зоологический и др.) получили статус академических музеев и покинули здание Кунсткамеры.³

В 1879 г., когда был создан МАЭ, среди коллекций по народам зарубежного Востока имелись и относящиеся к ЮВА, но по численности и ценности они ни в какое сравнение не шли с собраниями по Восточной и Центральной Азии.

С 1889 г. отдел, ведавший зарубежным Востоком, именовался Отделом культурных народов Востока, а в дальнейшем был переименован в Отдел Дальнего Востока. Отдел Индии включал первоначально Индокитай (материковую часть ЮВА), а Малайский архипелаг и Филиппины, т. е. островная часть ЮВА, были соединены с Австралией и Океанией. В дальнейшем оба эти союза были расторгнуты: появился самостоятельный музейный Отдел Индонезии, а коллекции по материковой части ЮВА стали поступать в Отдел Дальнего Востока (часть коллекций — № 669 и 1041 — в память о временах «приписки» к Отделу Индии продолжает храниться в этом отделе; регистрация коллекции сиамских театральных масок в составе индийской коллекции № 6332 — реминисценция, отзвук тех времен и обычаев!).

Начало этнографическим собраниям Кунсткамеры по народам Индонезии было положено еще в XVIII в., когда из Голландии была привезена коллекция Альберта Себы, включавшая «дикивинные произведения из Ост- и Вест-Индии».⁴

К сожалению, большая часть восточных коллекций погибла во время пожара 1747 г.⁵ Хранитель Индонезийского отдела МАЭ Е. С. Соболева полагает, что, так как до сих пор не удалось найти вещей, приобретенных Кунсткамерой в XVIII в., самой ранней из документированных коллекций следует считать помеченную 1838 г., поступившую от доктора Офермеера Фишера из Джакарты (№ 13-А).⁶ По сохранившимся в Архиве РАН данным, к первой половине XIX в. относится поступление коллекции по Индонезии, как сказано в описи, «неизвестного провенанса».⁷ В 1821 г., согласно архивным данным, в музей была передана русским генеральным консулом на Филиппинских островах Добелем этнографическая коллекция,⁸ которой мы, к сожалению, не обнаружили в документации Отдела Индонезии. В 1862 г. 9 предметов дал обмен коллекциями с Копенгагенским музеем (№ 51). В 1870 г. было получено 24 предмета от Риделя (№ 84), в 1876 г. — 36 предметов от Доорника (№ 95).⁹ В 1889 г. поступила коллекция от Бауда и Брюина (81 предмет) (№ 190-А, С, Д). В суммарной характеристике положения дел до 1889 г. по отделам Океании,

Австралии и Малайского архипелага авторы статьи о МАЭ в «Материалах для истории академических учреждений за 1889—1914 гг.» писали: «Возникновение и развитие этих отделов носит характер чисто случайный. Отдаленность представленных в этих отделах областей и незначительность средств музея не давали возможности снаряжать в эти далекие страны собственные экспедиции. Обогащение коллекции шло, таким образом, в этом периоде исключительно путем пожертвований».¹⁰

В 1898 г. был введен институт «члена-корреспондента МАЭ» (в двух вариантах — отечественном и зарубежном), в немалой степени способствовавший поступлению новых коллекций. Так, получившие этот статус Г. Мейер (из Лейпцига) и «гофрат саксонской службы» Г. Креднер передали коллекции (№ 1189) по Филиппинам (Г. Мейер) и о-ву Ниас (№ 2422-с) (Г. Креднер).¹¹ В 1909 г. по инициативе В. В. Радлова был создан Попечительский совет музея (во главе с князем А. Г. Романовским), который должен был заботиться о привлечении частных средств для нужд музея. В его состав вошли, в частности, В. В. Святловский, К. К. Шейблер (один из учредителей Акционерного общества Бауманских мануфактур) и Э. Л. Нобель (советник Министерства торговли и промышленности).¹² На средства, предоставленные музею членами Попечительского совета, были приобретены многие из индонезийских коллекций.

Заслугой В. В. Радлова было радикальное изменение системы пополнения музея — главным принципом отныне становятся собирание коллекций в научных экспедициях и предварительная подготовка к этой работе командированных от музея лиц. «Экспедиционный» метода придерживались и при приобретении новых коллекций: «Главное внимание обращалось на то, чтобы приобретаемая коллекция представляла собой цельное, научно собранное и описанное собрание, добытое из специальной экспедиции или от ученых путешественников».¹³ В конце XIX—начале XX в. в МАЭ попало несколько профессионально собранных коллекций по Индонезии. «С 1894 г. поступило несколько выдающихся коллекций, в числе которых первое место занимает полученная в 1894 г. коллекция Георга Мейсснера (№ 381), рисующая в научно подобранном этнографическом материале быт каро-батаков на Суматре. Коллекция собиралась в течение многих лет и охватывает 379 предметов... По полноте своей эта коллекция не имеет себе равных среди коллекций Малайского архипелага».¹⁴ Она была в 1902 и в 1904 гг. пополнена еще другим собирателем — К. Машмейером — и составляет, таким образом, большую часть всего отдела Малайского архипелага».¹⁵ Позднее поступили внушительные — и в научном, и в количественном отношении — коллекции проф. А. Грубауэра (№ 2286, 2317-а, 2318, 2319, 2320), О. И. Иона (№ 1138, 1150, 2340, 2655) и небольшие дары от барона Э. Э. Брюггена (№ 1137, 1149) и В. А. Колянковского.

В результате всех этих поступлений численность предметов в собрании Малайского отдела МАЭ в дореволюционный период перевалила за 5 тыс. К этому отделу справедливо будет отнести оценку, данную в отчете за 1889—1914 гг. музею в целом: «Если принять во внимание трудность приобретения коллекций из стран, столь малодоступных для музея с ограниченными средствами, то приращения отчетного периода нельзя не назвать значительными, тем более что они всецело зависели от случайных жертвователей и от имевшегося в распоряжении музея обменного материала».¹⁶

При В. В. Радлове начался активный обмен коллекциями с музеями Европы (и покупки у них коллекций). Этим путем был получен ряд коллекций по Индонезии и Филиппинам из Берлинского музея народоведения (№ 602, 603, 606, 608, 610), Гамбургского этнографического музея, Шведского естественно-научного музея (Стокгольм) (конец XIX—начало XX в.), позднее — из Лейденского музея (1928 г.) (№ 3737, 3747) и др.

Рис. 1. А. Я. Смотрицкая, А. С. Эстрин (стоят).

Из отечественных музеев, передавших в МАЭ свои этнографические коллекции по островной части ЮВА, в дореволюционное время можно назвать лишь Этнографический музей при Русском географическом обществе, просуществовавший с 1848 по 1891 г. и передавший при расформировании свои коллекции в МАЭ (№ 674).¹⁷ После революции коллекции поступили из Эрмитажа (№ 3274, 3276), фондов Аничкова дворца (№ 3691), из Государственного музея восточных культур, Музея изобразительных искусств (№ 6043), Военно-морского (№ 4208, 4278, 5046), Артиллерийского (№ 3844) и других музеев.

Ряд коллекций был передан в МАЭ русскими учеными, путешественниками, побывавшими в Нидерландской Ост-Индии (Н. Н. Миклухо-Маклаем (№ 402, 3279), П. П. Ефименко¹⁸ (№ 2457), В. В. Святловским (№ 1283)), дипломатами (например, Б. А. Баудом — русским консулом в Батавии, взявшим на себя, по-видимому, миссию передачи коллекции по Молуккским островам, собранной

исследователем Восточной Индонезии офицером нидерландского флота де Брюинем¹⁹ (№ 190, А, С, Д)). Можно полагать, что история каждого музейного приобретения, если бы удалось в нее проникнуть, могла бы оказаться не менее увлекательной, чем история, случайно известная благодаря свидетельству, сопровождающему регистрацию одного предмета (№ 222): контр-адмирал барон О. Р. Штакельберг, удостоенный в 1874 г. почетной «пики непокоренного племени», поднесенной ему генерал-губернатором Филиппинских островов, спустя 19 лет, в 1893 г., подарил эту вещь музею (наряду с коллекцией по буддийскому культу из Японии). К сожалению, не удалось преодолеть таможенных «рогатов» большей части этнографической коллекции, собранной накануне первой мировой войны на Суматре немецким ботаником Рудольфом Шляхтером и посланной им в Россию родственникам его жены: из-за чрезмерно высокой пошлины пришлось значительную часть вещей отослать обратно. Выкупленные адресатом вещи были проданы нашему музею в 1979 г. (кол. № 6828).

В индонезийской коллекции МАЭ оставило след — в виде яванского криса (№ 312) — путешествие по странам Востока наследника русского престола, будущего императора Николая II, осыпанного всяческими дарами (обстоятельства его пребывания в Индонезии и других странах ЮВА ярко описаны в книге князя Э. Э. Ухтомского, сопровождавшего цесаревича).²⁰

Совершенно особую страницу в историю индонезийского фонда МАЭ вписали совершившие никем не запланированную поездку по Индонезии супруги А. Я. Смотрицкая и А. С. Эстрин (рис. 1). Участники голландской экспедиции, изучавшей в течение 10 месяцев 1919 г. фауну на ряде островов Индонезии, эти заброшенные в дальние края русские люди, казалось бы, отнюдь не подготовленные к своим удивительным действиям на благо отечественной этнографии специальным образованием, собиратели по призванию, «от Бога», по собственному почину и на собственные деньги приобрели 1500 предметов, характеризующих культуру народов Явы, Суматры, Бали, Восточной Индонезии, и, преодолев все барьеры, прибегнув к помощи А. М. Горького и Академии наук, сумели переправить их в 1923 г. в Петроград в МАЭ. Здесь подаренные ими вещи были зарегистрированы как несколько коллекций.²¹ Наиболее многочисленны в них предметы с южных Молуккских островов. Собрание предметов с о-ва Буру (кол. № 2893) — единственное в музее. (Публикации этой коллекции посвящена статья В. Г. Трисман, из которой почерпнуты сведения о незаурядных ее собирателях, вдохновивших В. Г. Богораза — он был ученым хранителем МАЭ, принявшим ценный дар, — написание о них биографического очерка,²² выдержки из которого приводятся в статье В. Г. Трисман).²³

В течение 10 лет (1930—1940 гг.) в МАЭ работал крупнейший филиппинист-этнограф XX в. Р. Ф. Бартон, оставивший яркий след и в истории Отдела Индии и Индонезии (рис. 2). Его первоначальной задачей было составление аннотированной библиографии по народам Филиппин.²⁴

Имевший к приезду в Ленинград 13-летний стаж полевой работы на Филиппинах, убежденный антиколониалист, ученый интересовался политикой по отношению к отсталым малочисленным народностям СССР, хотел, по словам Богораз-Тана, сравнить ее с американскими методами колонизации и прививки культуры народам Филиппинских островов. Творчество американского ученого освещено в очень интересной статье М. В. Станюкович — первого отечественного филиппиноведа в Институте этнографии, преемнице Р. Ф. Бартона по изучению ифугао.²⁵ Автор статьи пишет о ленинградском периоде деятельности ученого: «В ведение Бартона попадают коллекционные фонды по Филиппинам, Индии и Индонезии. Он включается в музейную работу, создает филиппинскую экспозицию, составляет описи, ведет переписку с рядом зарубежных музеев по обмену коллекциями. Благодаря ему МАЭ получает, в частности, коллекцию

Рис. 2. Р. Ф. Бартон.

по культуре и быту филиппинских негрито и горных народов Лусона от Национального музея США (Вашингтон)».²⁶

За годы пребывания в Ленинграде (как американскому подданному Р. Ф. Бартону пришлось уехать из СССР в 1940 г. в связи с началом второй мировой войны) Р. Ф. Бартон создает серию работ по этнографии коренного населения Филиппин, базируясь на ранее собранных и новых материалах (в 1937 г.²⁷ он ездил от Института этнографии в экспедицию на Филиппины). Самые его значительные работы, над которыми он работал и в Ленинграде («Ифугао-английский словарь», «Мифология ифугао», «Калинга, их социальные институты и обычное право»), вышли в свет уже в США. Описи филиппинских коллекций, составленные Р. Ф. Бартоном, при перерегистрации попали в надежные руки М. В. Станюкович.

После длительного перерыва в 1957 г. возобновились поступления этнографических предметов в Индонезийский отдел МАЭ. Этим годом помечено поступление двух коллекций (№ 6220 и 6271), составленных из вещей, подаренных

проф. ЛГУ Усманом Эффенди (работавшим в 1955—1963 гг. по приглашению восточного факультета ЛГУ преподавателем индонезийского языка).²⁸ Этот источник пополнения Отдела Индонезии действовал и в последующие годы: в 1962 г. была куплена у У. Эффенди коллекция вещей с о-ва Ява (в том числе фигуры яванского теневого театра ваянг пурво); ряд яванских вещей, подаренных У. Эффенди сотрудниками Института этнографии Л. Э. Каруновской и В. Г. Трисман (и ее дочери Л. Данилиной), был в 1959 и 1970 гг. передан ими в музей. Поступили в отдел вещи и от советских дипломатов: картины яванских уличных художников — от сотрудника посольства СССР в Джакарте (1958 г.); в 1963 г. большое собрание вещей, характеризующих быт и культуру народов Западного Ириана (1 предмет — с о-ва Бали), подарил советник МИД СССР П. В. Комин.²⁹ Эта коллекция (№ 6528), насчитывающая 100 предметов, характеризует культуру папуасов района Котабару (Холландия) и оз. Сентани, племени Ддани в долине р. Балием, племени хаттам (п-ов Фегелкоп), ряда племен северного и южного побережий и о-ва Япен. В коллекции представлены топоры с каменными клинками и деревянными рукоятками, мужские украшения, футляры для пениса (из местного вида огурца), жезлы вождей, талисманы и пр. Эти вещи позволили создать в Отделе Индонезии МАЭ экспозицию «Современная культура и быт населения Западного Ириана».³⁰

Хорошую коллекцию вещей с о-вов Ява, Бали и Суматра, собранных польским ученым М. Чехановской (работавшей в 1955—1957 гг. в посольстве ПНР

в Индонезии атташе по вопросам культуры), приобрел музей в 1964 г. Среди поступлений последних лет (куплены у частных лиц) — предметы, характеризующие традиционный быт и искусство жителей Явы, Бали, Сурабайи. Знаменательным событием, способствовавшим еще большему повышению престижности Индонезийского отдела, явилось поступление трех рукописных книг батакских жрецов, специально приобретенных для нашего музея в 1973 г. Маргарет Корделией Йонгелинг, голландской миссионеркой, знатоком языка и культуры индонезийцев, другом СССР, на протяжении многих лет поддерживающей оживленные контакты с советскими индонезистами (кол. № 6737). Это — ценное дополнение к собранию из 16 аналогичных по функциям батакских книг, хранящихся в МАЭ с конца XIX—начала XX в. (в коллекциях, собранных Г. Мейсснером, К. Машмейером и А. Грубауэром).³¹

В 1976 г. были куплены предметы, характеризующие современные ремесла на Яве, Суматре и Сулавеси (№ 6760). В 1979 г. обогатилась двумя новыми предметами балийская коллекция. В том же году в отдел поступила коллекция этнографических предметов из Малайзии (№ 6820), приобретенных во время командировки ленинградским специалистом по малайско-индонезийской филологии доцентом ЛГУ А. К. Оглоблиным, поддерживающим тесные научные контакты с Институтом этнографии АН СССР (коллекция зарегистрирована и опубликована Е. В. Ревуненковой).³²

К приему, регистрации и описанию поступавших в музей коллекций по Индонезии и Филиппинам причастна плеяда сотрудников музея и института. Роль некоторых из них — эпизодическая, сведшаяся к регистрации немногих новых поступлений (или к разбору старых, «неоприходованных» коллекций и отдельных вещей этого отдела); иные посвятили работе над индонезийскими и филиппинскими коллекциями долгие годы, глубоко погрузились в этот материал, посвятили исследованию ряда коллекций свои публикации (об этом см. далее). К числу сотрудников, наиболее активно работавших с коллекциями отдела, относятся Е. Л. Петри, Л. А. Мерварт, Л. Э. Каруновская, В. Г. Тришман, Л. П. Сергеева, Е. С. Соболева и М. В. Станюкович (некоторые описи прошли через руки двух, а то и трех специалистов); свой вклад в это дело внесли Ф. Руссов, В. В. Радлов, Д. А. Клеменц, А. С. Эстрин, Р. Ф. Бартон, И. М. Лекомцев, Е. В. Ревуненкова, С. А. Маретина, Л. Г. Розина, С. А. Штернберг, В. Ф. Зуев, Д. К. Дубровина, Е. Д. Каменская.

До назначения на пост директора музея В. В. Радлова в 1894 г. этнографические коллекции во всех отделах были не только не систематизированы, но и не зарегистрированы, «при отсутствии денежных средств все попечение о музее сводилось лишь к сохранению в целостности имевшихся коллекций и к выставлению их для обзора публике». ³³ С приходом В. В. Радлова начинается активная работа по регистрации обширных накоплений музея: «О научной каталогизации нельзя было и думать; занумеровать предмет, кратко описать и занести его в список — вот все, что можно было сделать». ³⁴ В 1896 г. для регистрации коллекций (наряду с К. К. Гильзенем, а в 1897 г. и Д. А. Клеменцом) была приглашена Е. Л. Петри, в ведение которой через два года (в 1898 г.) передаются отделы Океании, Австралии и Малайского архипелага. В течение многих лет (до 1917 г.) Е. Л. Петри занимается регистрацией новых и старых индонезийских коллекций — следы ее труда хранят многочисленные описи отдела. Она активно участвует в создании экспозиций руководимых ею отделов, пишет «Путеводитель по МАЭ»; «является надобность в новом издании путеводителя, который выходит в переработке Е. Л. Петри и через 2 года выдерживает еще третье издание». ³⁵ Е. Л. Петри является одним из авторов статьи о достижениях МАЭ при В. В. Радлове. ³⁶

В 1924 г. заведующей Отделом Индонезии ³⁷ была назначена Л. А. Мерварт

Рис. 3. Л. А. Мерварт.

(1888—1965 гг.) (рис. 3). Этот шаг тогдашней администрации музея, повлекший за собой перепрофилирование специалиста, зарекомендовавшего себя самым лучшим образом за годы интенсивной полевой этнографической работы в Индии и на Цейлоне (в экспедиции под руководством А. М. Мерварта в 1914—1918 гг.),³⁸ имел значительные последствия для отечественной индонезистики: Л. А. Мерварт стала пионером в изучении индонезийской этнографии и филологии в СССР. Однако «индийское прошлое» наложило отпечаток на характер работы Людмилы Александровны в МАЭ: в ней изначально присутствовали два направления — индонезийское и индийское, сказывавшееся во всех аспектах ее деятельности.

Руководя вверенным ей отделом, Л. А. Мерварт с головой уходит в музейную работу: активно занимается ревизией фондов отдела, составляет описи старых коллекций, регистрирует новые поступления, обдумывает план экс-

позиций. Можно предположить, что по ее инициативе Совет МАЭ обратился в Президиум АН СССР с просьбой о предоставлении необходимых средств (из золотого фонда, выделяемого МАЭ) для приобретения собрания голландского коллекционера г-жи Молл-Мюллер (40 фигур яванского театра марионеток с аксессуарами). Прошение это сопровождалось убедительным комментарием о важном научном значении такого приобретения: «Яванский театр марионеток интересен не только сам по себе, как чрезвычайно развитой тип народного театра, но и как яркий образец духовного влияния Индии в Малайском архипелаге... Коллекция Молл-Мюллер отличается полнотой и свободой от мусульманского влияния, выражающейся в искажении формы лица». Просьба эта была удовлетворена, поступление коллекции в отдел зарегистрировала (под № 3492) Л. Э. Каруновская. Одновременно Л. А. Мерварт производит камеральную обработку материала, собранного во время путешествия по Индии и Цейлону. Вместе с А. М. Мервартом к 200-летию Академии наук она создает заново экспозицию Индийского отдела (и пишет в 1926 г. путеводитель по нему), публикует статьи «Обрядовые уборы кашмирских брахманов» и «Сказание о Паттани-Девы».³⁹

Важные последствия для советской индонезистики имело участие Л. А. Мерварт в подготовке выставки «Театр народов Востока», устроенной АН СССР в честь 15-й годовщины Государственного института истории искусств (руководил выставкой А. М. Мерварт, вместе с которым она написала путеводитель по ней).⁴⁰ Эта экспозиционная работа имела весьма серьезное продолжение. Придавая исключительно большое значение исследованию восточного театра для выяснения многих проблем общего театроведения, Отдел истории и теории

театра Института истории искусств заказал ведущим востоковедам (все они тогда работали в МАЭ) статьи о театре стран Востока. Так появилась на свет книга «Восточный театр» (Л., 1929), один из четырех разделов которой — «Малайский театр» — принадлежит перу Л. А. Мерварт.

Эта работа, в которой охвачены все виды театра, представленные у народов Индонезии, дала театроведам богатый и уникальный материал для размышления, так как автору удалось блестяще показать, что «индонезийский театр, особенно яванский, дает всю непрерывную цепь истории развития театра от литургии к зрелищу, сохраняя при этом едва ли не все промежуточные звенья. Редко где еще в мире возможно так последовательно наблюдать все стадии этого развития». ⁴¹ Но не меньшее значение это исследование имеет для этнографии, так как анонимность разыгрываемых в театре пьес и канонизированность репертуара и театральной техники, как следует из работы Л. А. Мерварт, «делает индонезийский театр в гораздо большей степени областью фольклора и вообще этнографии, чем отделом литературы». ⁴²

Все виды индонезийского театра, подвергшиеся глубокому анализу ученого, представлены своими аксессуарами в МАЭ. Однако в поле зрения Людмилы Александровны были и индонезийские коллекции зарубежных музеев, которые она имела возможность изучить во время своей поездки в Европу до революции и длительной командировки в 1927—1929 гг.

Другая работа — «Способы украшения одежды из древесной коры у индонезийцев» ⁴³ — открывает в Л. А. Мерварт талант исследователя материальной культуры. Статья об одежде из луба представляет собой серьезное исследование весьма многочисленных в собрании МАЭ экземпляров лубяной одежды с островов Индонезии. Рассмотрев особенности принятого у индонезийцев украшения одежды из луба вышивкой, обшивкой тканью, выросшие из потребности укрепления этого материала, в контексте приемов обращения с лубом во всем ареале применения его для аналогичных целей, Л. А. Мерварт сделала научное открытие: методы украшения, вызванные необходимостью укрепления материала, придают индонезийскому варианту одежды из древесной коры черты неповторимого своеобразия.

В 1927 г. Л. А. Мерварт отправляется в заграничную командировку, участвует в Международном конгрессе антропологов, этнографов и фольклористов в Амстердаме, занимается малайским языком в Париже у выдающегося малаиста Г. Феррана, затем совершенствует свои познания в малайском языке у преподавателя Лейденского университета Исмаила. В Нидерландах Л. А. Мерварт избирается членом-корреспондентом Королевского института языкознания, страноведения и этнографии Нидерландской Индии. После достижения этих вершин международного признания вернувшись в 1929 г. в Ленинград Л. А. Мерварт ожидали тяжелые испытания: она сама и ее муж стали жертвами сталинского террора. А. М. Мерварт умер в 1932 г. в одном из лагерей ГУЛАГа. В 1942 г. на фронте погиб их сын. Период жизни Л. А. Мерварт с 1929 по 1944 г. нам не вполне ясен. ⁴⁴ Выбывшая из штата Института этнографии Л. А. Мерварт где-то (по-видимому, в ссылке) продолжала трудиться, и в 1936 г. (по данным, приведенным С. Д. Милибанд в «Биобиблиографическом словаре советских востоковедов» (М., 1977)) ей присуждают без защиты степень кандидата общественных наук и кандидата филологических наук, а в 1940 г. — звание доцента. В 1944 г. Л. А. Мерварт появляется в Москве, где на протяжении последних двух десятилетий своей жизни разворачивает поразительную по масштабу и высочайшему профессионализму деятельность, руководя составлением словарей многих восточных языков, создавая учебники индонезийского языка и уча этому языку студентов. Она редактирует переводы с индонезийского языка на русский, осуществляет — впервые в истории малаистики — перевод «Сказания

Рис. 4. Л. Э. Каруновская.

о Сери Раме» (М., 1961), сопровождаемый предисловием и комментариями переводчика, работает над переводом другого памятника средневековой малайской литературы — «Сказание о Санг Боме» (опубликованного уже после смерти Л. А. Мерварт ее преданным учеником Б. Б. Парнике-лем).⁴⁵

С благодарностью и пиететом воздавая должное заслугам Л. А. Мерварт перед советской индонезистикой, мы не можем не сознавать, что трагический поворот в ее судьбе прервал в самом разгаре ее работу в Отделе Индонезии МАЭ и нанес непоправимый урон развитию советской этнографии.

С 1925 по 1954 г. в МАЭ работала Л. Э. Каруновская, окончившая этнографический факультет ЛГУ и имевшая к моменту поступления на работу немалый опыт полевой этнографической деятельности (и публикации по собранным материалам) в Ярославской и Костромской губерниях и на Алтае (рис. 4).⁴⁶ В МАЭ Л. Э. Каруновская получила место в Отделе Индонезии, а с 1930 г.

стала заведовать им.⁴⁷ Свидетельством несомненной и глубокой компетентности, характерной для всех аспектов ее музейной и научной деятельности, являются и многочисленные описи коллекций, и ее статьи.⁴⁸ Говоря о высоком уровне созданных в МАЭ экспозиций, Т. В. Станюкович объясняет его работой в музее таких «опытных мастеров экспозиции», как Е. Э. Бломквист, Л. Э. Каруновская и Н. А. Кисляков.⁴⁹

В течение ряда лет сотрудником Отдела Индонезии был И. М. Лекомцев (рис. 5). Им сделаны описи части коллекций, зарегистрированных в период с 1934 по 1939 г. Работая над темой «Техника обработки саго в Индонезии» (в рамках поставленной перед научным коллективом созданного в 1933 г. Института этнографии АН СССР проблемы «Материальные условия разложения доклассового общества»), он опубликовал статью, большое место в которой занимает описание всех приспособлений, используемых в процессе обработки саго на Молуккских островах и имеющихся в коллекциях МАЭ (к сожалению, в статье не указаны номера этих коллекций и предметов из них).⁵⁰

Многие годы душой кабинета «Индия и Индонезия» была В. Г. Трисман (1901—1981 гг.) (рис. 6). Голландка, родом из Роттердама, она была вынуждена покинуть родину, где подвергалась преследованиям за принадлежность к компартии Голландии, по решению которой была откомандирована в 1925 г. в СССР корреспондентом органа этой партии — газеты «Трибуне» в Ленинграде. Но в скором времени, выйдя замуж за русского человека, стала трудиться как

член нашего общества. Начался «советский период» в жизни В. Г. Трисман. Не порывая духовных уз с родиной, Вильгельмина Герардовна разделила все радости и муки, выпавшие на долю ленинградцев. Ей были вручены медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» и «В память 250-летия Ленинграда». Человек европейской культуры, гуманист по натуре, она благоговейно относилась к русской культуре и в полной мере образом своих мыслей и всей своей жизнью завоевала право считаться русским интеллигентом.

В Ленинграде Вильгельмина Герардовна прожила 56 лет, до кончины в 1981 г. Ровно половину лет из отпущенных ей судьбой на ленинградскую жизнь (28 лет) она провела в стенах Института этнографии АН СССР. Проницательно увидев у В. Г. Трисман отличные данные для работы в области индонезийской этнографии, академик А. М. Панкратова писала директору института С. П. Толстову: «В. Г. очень хорошо знает языки — голландский, английский, немецкий, французский, а также некоторые восточные языки (она 3 года училась в Восточном институте по индийскому отделению). Т. е. она — полиглот».⁵¹ Зачисление в штат Института этнографии на должность научно-технического сотрудника состоялось 10 октября 1945 г. С 1 апреля 1946 г. В. Г. Трисман переводят на должность старшего научно-технического сотрудника, а с 25 августа того же года — на должность младшего научного сотрудника.

С первых же дней работы в Отделе Дальнего Востока (включившем с 1933 г., когда его заведующим стал Н. В. Кюнер, и отделы Индии и Индонезии) В. Г. Трисман с головой ушла в музейную работу. Она участвовала в создании экспозиций «Индия», «Индонезия», «Корея», в организации выставки по народам Востока в ЦПКиО им. С. М. Кирова в Ленинграде и выставки «Индонезия» в Москве.⁵² Для проведения экскурсий по экспозиции «Индонезия» написала так называемую «методичку», участвовала в создании кинофильма «Индонезия» (по материалам МАЭ) для Индонезии.

Немалое влияние на выбор предмета занятий В. Г. Трисман оказало несомненно ее голландское происхождение. В течение ряда лет она вела занятия по голландскому языку в Ленинградском университете (о чем с благодарностью вспоминают ее ученики — ныне видные индонезисты Е. В. Ревуненкова, А. К. Оглоблин и другие) и Эрмитаже. Первые ее публикации в этнографических изданиях объясняются особым интересом к русско-голландским научным

Рис. 5. И. М. Лекомцев.

Рис. 6. В. Г. Трисман.

связям.⁵³ Притягательной оказалась для В. Г. Трисман фигура Н. Витсена: перевод громадного по объему сочинения (123 а. л.), явившегося свидетельством выдающейся учености и великого усердия, проявленного ее соотечественником при сборе географических, исторических, этнографических материалов о Сибири, стал делом всей ее жизни. Законченный, но не нашедший редактора и комментатора, столь необходимый исследователям Сибири перевод этого труда, к сожалению, не опубликован и покоится в архиве Музея антропологии и этнографии.

Однако все эти занятия, как бы сильно они ни захватывали деятельную натуру В. Г. Трисман, не отвлекали ее от этнографии Индонезии. Она досконально изучила все богатство фондов музейного Отдела Индонезии, занималась регистрацией новых поступлений и перерегистрацией описей старых коллекций. Пухлые тома некоторых описей хранят на множестве страниц, исписанных ее размашистым почерком, тщательно сделанные описания, сопровождающиеся старательно выполненными зарисовками коллекционных предме-

тов: эти описи несут на себе печать неповторимой личности их творца.

Освоив в целом музейные фонды по Индонезии, некоторые коллекции В. Г. Трисман подвергла особенно глубокому изучению. Прежде всего она обратилась к исследованию коллекций, дающих яркое представление о рыболовстве у индонезийских народов. В МАЭ хранится более 150 предметов, поступивших в период с 1870 по 1934 г., собранных в различных районах Индонезии (на о-вах Суматра, Банка и Ментавей, Ява, Мадуро, Сулавеси, Ломбок, Тимор, Молуккских островах и др.), — это орудия лова, модели рыболовных судов, а также предметы, характеризующие промыслы, возникшие на основе использования «даров моря» (изделия из перламутра, костей рыб, панциря черепахи и т. п.). Изучив литературу по этому вопросу (особенно обильную на голландском языке), В. Г. Трисман в соавторстве со своим коллегой Ю. В. Маретиным опубликовала большую статью на тему о рыболовстве в Индонезии,⁵⁴ а спустя несколько лет — статью «Пережитки ранних форм религии у индонезийских рыболовов».⁵⁵

В статье «К истории развития индонезийской одежды»⁵⁶ предметом скрупулезного исследования стали богатейшие коллекции МАЭ по одежде разных народов региона (около 350 предметов), характеризующие разные стадии эволюции одежды, обусловленное экологией и уровнем культурного развития народов обращение к тому или иному методу обработки природного материала.

Вдохновленная подвижнической деятельностью в Индонезии супругов А. Я. Смотрицкой и А. С. Эстрина, В. Г. Трисман осуществляет публикацию их коллекций по южным Молуккским островам.⁵⁷ Ее перу принадлежат статьи о формировании общеиндонезийского языка,⁵⁸ об образе колонизаторов в индонезийском фольклоре,⁵⁹ о брачных обрядах и поверьях индонезийцев,⁶⁰ также раздел о народах Сулавеси в томе «Народы Юго-Восточной Азии». После поездки в Голландию В. Г. Трисман написала статью об этнографических учреждениях, с которыми ей удалось познакомиться. Не чужд ей был и жанр научно-популярный: совместно с Т. К. Шафрановской она написала занимательную статью о театре теней в Индонезии,⁶¹ вместе с У. Эффенди перевела на русский язык индонезийские сказки.⁶²

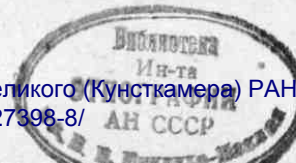

Рис. 7. Ю. В. Маретин.

Около 20 лет, с 1958 по 1979 г., в Индонезийском отделе МАЭ работал Ю. В. Маретин (1932—1990 гг.) (рис. 7). Историк-китаист по образованию, окончивший

в 1955 г. восточный факультет ЛГУ и в том же году принятый в аспирантуру Института этнографии АН СССР по Индонезии, Ю. В. Маретин проявил себя как плодовитый индонезист-этнограф с широким диапазоном интересов (им опубликовано в общей сложности свыше 150 работ по проблемам общинной организации, истории культуры народов Индонезии). На него пала основная нагрузка при написании раздела о народах Индонезии в томе «Народы Юго-Восточной Азии». В интересующей нас сфере — музейной деятельности — Ю. В. Маретин имеет несомненные заслуги, так как в течение многих лет курировал работу Индонезийского отдела МАЭ, являлся соавтором экспозиции «Индонезия» (в целом, а также раздела «Современная культура и быт населения Западного Ириана», подготовленного совместно с Л. Г. Розиной и Л. Л. Левизи после поступления в МАЭ коллекции П. В. Комина⁶³) и автором «Путеводителя» по ней,⁶⁴ а также соавтором статьи о фондах этого отдела (на английском языке).⁶⁵ Что касается конкретных исследований на материалах индонезийских коллекций, то таковым является упомянутая выше статья о рыболовстве в Индонезии, написанная в соавторстве с В. Г. Трисман.

Значительную лепту в научное освоение коллекций МАЭ по Индонезии внесла Е. В. Ревуненкова, индонезист-филолог, окончившая восточный факультет ЛГУ, ученица профессора У. Эффенди. В Институт этнографии она была принята в 1965 г. Батакские коллекции МАЭ стали в полном смысле слова «лабораторией»⁶⁶ для научных изысканий ученого в области эволюции религиозного мировоззрения батаков, отразившейся в их религиозной практике, атри-

бутах деятельности ритуальных специалистов (жрецов и шаманов) — гадательных книгах (пустака), жезлах, в так называемых «кораблях мертвых». Ясно, сколь велико значение жреческих книг для исследования своеобразной культуры этого народа. Из всех народов Индонезии этот суматранский этнос ввиду гораздо большей изоляции, уберегшей его от господствовавших в течение ряда веков в более «открытых» районах Индонезии внешних влияний — индийского, мусульманского, христианского, не только дольше сохранял в целостности свои исконные религиозные представления, но и зафиксировал (как полагают ученые, не ранее XVII в.) их в текстах этих книг. Однако постижение текстов чрезвычайно затруднено не только для индонезистов, но и для современных батаков, так как, по признанию ученых, единственным компетентным комментатором пустакки может быть только ее автор — жрец, который писал ее. Не убоившись этих объективных трудностей, Е. В. Ревуненкова дерзнула провести анализ ленинградской коллекции книг батакских жрецов и в 1969 и 1984 гг. опубликовала две статьи на эту тему.⁶⁷

В изучении батакских рукописей Л. В. Ревуненкова опиралась на достижения европейских ученых (труды немецкого миссионера И. Винклера, Г. Вилкена, ведущего специалиста в этой области голландского ученого П. В. Фoorхуве), а также на понимание того культурного контекста, в котором протекает деятельность жрецов. Во всеоружии знания батакского языка исследовательница в первой своей статье провела филологический анализ текстов книг и — не без успеха — попыталась вникнуть в их содержание; во второй статье она предложила свой вариант интерпретации сведений, полученных при изучении сочинений аналогичного содержания профессором П. В. Фoorхуве. Е. В. Ревуненковой удалось извлечь из батакских жреческих книг богатую информацию, проливающую свет на наиболее архаические пласты сознания батаков, углубить представление о существе их магико-религиозного мировоззрения, психологии их ритуальных деятелей.

Еще одна группа предметов из батакских коллекций МАЭ (Грубауэра, Машмейера и Мейсснера), «заговоривших» благодаря работе над нею Е. В. Ревуненковой, — магические жезлы батаков.⁶⁸ Сохранившиеся до наших дней лишь кое-где на Суматре, а также в музеях Голландии, Германии и в нашем МАЭ, они не только являются памятниками высокой художественной культуры их создателей, но и проливают свет на их традиционное мировоззрение. В руках опытного исследователя эти атрибуты религиозно-магического культа батаков, неразрывно связанные с жреческими книгами, которые хранят записи о мифах, воплощенных в украшающих жезлы многофигурных скульптурных композициях из человеческих и звериных фигур, стали средством проникновения в духовный мир батаков, каким он был до начала их усиленной христианизации в XIX в.

Статья «Корабль мертвых у батаков Суматры»⁶⁹ (два таких «корабля» имеются в коллекции Георга Мейсснера (№ 381), поступившей в МАЭ в 1897 г.) посвящена предметам, предназначение которых в погребальном ритуале батаков — отвозить души умерших по реке в потусторонний мир. Этот ритуал, присущий в Индонезии помимо батаков даякам и ниасцам и бытующий у некоторых народов Океании, является отзвуком древнего обычая — отправлять в сторону прародины (или в потусторонний мир) в лодке тело умершего — и интерпретируется исследователями как реминисценция древнейших миграций этих народов. Е. В. Ревуненкова обратила внимание на одно обстоятельство, которое не укладывается в рамки этого «этногенетического» объяснения погребального обряда батаков: по их представлению, «царство мертвых» находится под землей, где и погребают они покойных. Вместе с тем батакские жрецы, исполняя погребальные плачи, поют о символическом море, которое должны переплыть души умерших. Чтобы разобраться в этой контроверзе, Е. В. Реву-

ненкова обратилась к рассмотрению образа «корабля» в контексте всей культуры батаков (ассоциация понятия «корабль» с жизнью, кораблеподобное устройство крыш домов и т. п.), произвела тщательный анализ символики устройства и оформления корабля (нос — в виде головы птицы-носорога, корма — в виде дракона, корпус — с расписным змеевидным орнаментом) и ее связи с космологическими представлениями батаков о членении вселенной на три мира (верхний мир на корабле символически представлен птицей, в роли связующего начала этих миров выступают на корабле мачты).

Установив полисемантическую природу «корабля мертвых», Е. В. Ревуненкова акцентировала внимание на том, что функции проводника, ведущего души умерших в потусторонний мир с помощью «корабля умерших», аналогичны функциям шамана, а мачта на корабле (или три мачты) — это аналог шаманского дерева, помогающего шаману попасть в подземный мир. Прделав все эти аналитические процедуры, Е. В. Ревуненкова выдвинула гипотезу, согласно которой батакский «корабль мертвых», очевидно, полностью соответствует шаманской лодке, являвшейся средством передвижения шамана в его экстатическом путешествии в подземном мире и имевшейся у народов с развитой системой шаманизма.⁷⁰

Констатируя отсутствие шаманизма как господствующего явления в религиозной жизни батаков, Е. В. Ревуненкова считает, что «корабль мертвых» позволяет говорить о наличии у них шаманского комплекса.⁷¹ Вывод статьи о том, что «корабль мертвых» со всеми его атрибутами является источником для изучения прежде всего, по выражению автора, «шаманских представлений» у батаков, имеет большое научное значение.

Исследование ритуальных предметов в батакских коллекциях МАЭ позволило Е. В. Ревуненковой поставить проблему взаимодействия шаманизма и жречества, которое в Индонезии можно наблюдать воочию только у этого народа. Оно стало началом изысканий ученого в области шаманизма, вылившихся в замечательный труд,⁷² который явился глубоким осмыслением разнообразных форм шаманизма у малайско-индонезийских народов, находящихся на разных стадиях общественного развития. Благодаря рассмотрению этого сложного явления не только в рамках одного ареала, но и в его широких историко-типологических связях исследовательница смогла предложить свою интерпретацию происхождения и природы шаманизма и убедительно аргументировала концепцию его универсальности.

Изучение батакских коллекций, предпринятое Е. В. Ревуненковой, охватило лишь часть содержащихся в них экспонатов, и тем не менее оно убедительно показало их уникальное значение как историко-этнографического источника по традиционной культуре этого народа.

Хранящиеся в МАЭ в составе коллекций с о-ва Бали произведения деревянной скульптуры стали объектом основательного изучения С. А. Маретиной,⁷³ для которой как для индолога особый интерес представляла возможность сквозь призму этой сферы творчества балийцев исследовать переплетение в балийской культуре местного индонезийского и индийского начал.⁷⁴

Рассмотренные в статьях этого автора произведения (их в общей сложности 14) можно разделить на три группы: к первым двум относятся произведения круглой скульптуры старой и новой школ, к третьей — резное деревянное панно. На основании тщательного анализа иконографии пяти фигурок индуистских богов — этих типичных для старой школы балийской скульптуры персонажей — С. А. Маретина подводит читателя к выводу, что традиционное балийское искусство деревянной скульптуры при всей своей художественной неповторимости свидетельствует о тесном творческом взаимодействии двух культур — индонезийской и индийской. Новая школа балийской деревянной скульптуры, представленная остальными экспонатами, явилась результатом

резкого отхода от художественного канона старого балийского искусства, происшедшего в 20—30-гг. XX в. Однако, как весьма убедительно доказывает С. А. Маретина, творческий дух балийцев, не сломленный могучим натиском индийской культуры, испытанным несколько столетий тому назад, смог устоять и перед европейским влиянием и обратить его на благо своего искусства.⁷⁵

Осуществленное С. А. Маретиной обследование резного панно, представляющего и особый жанр (барельеф со сложной композицией), и принципиально новое явление в балийской скульптуре (в отличие от традиционно анонимных оно — авторское), замечательно той богатой этнографической информацией, которую автору удалось извлечь из «прочтения» сюжета этого произведения.

Две интересные публикации вещей, происходящих из районов Восточной Индонезии, осуществлены Е. С. Соболевой (в Институте этнографии — с 1978 г., после окончания кафедры этнографии исторического факультета ЛГУ): одна из них посвящена лукам и стрелам с о-ва Тимор, другая — западноиринанским корварам.⁷⁶ В первой статье Е. С. Соболева предложила четкий критерий для классификации стрел по типу сечения их наконечников, позволивший свести подвергнутое анализу их собрание (62 стрелы) к восьми типам, тщательно изучила резьбу на наконечниках и древках стрел (именно эти элементы их «устройства» свидетельствуют, по мнению исследовательницы, о том, что эти предметы являются действительно тиморскими) и орнамент. Сравнение особенностей тиморских стрел со стрелами, распространенными на других островах Восточной Индонезии и Северной Австралии, позволило автору сделать вывод о существовании в этой области единой культурной традиции.

Во второй статье рассматривается имеющееся в МАЭ собрание корваров (из коллекции № 190-В Бауда и де Брюина и № 2904 А. С. Смотрицкой и А. Я. Эстрина) — вырезанных из дерева человеческих фигурок, поставленных или посаженных на подставку. Связанные с культом умерших, такие фигурки после соответствующих обрядов их одушевления считались наделенными силой служить людям, быть покровителями семьи, а в случае бесполезности разбивались. Изучение (на основании экземпляров в коллекциях МАЭ, а также опубликованных в трудах западных ученых) корваров, распространенных до введения христианства на территории восточных районов Индонезии и северо-западных районов Новой Гвинеи, позволило исследовательнице сделать вывод о том, что населению этих мест была присуща единая система верований, связанная с почитанием домашних покровителей (еще не оформившаяся в культ предков, но являвшаяся предпосылкой для его сложения) и единого иконографического канона, которым руководствовались скульпторы, вырезавшие фигуры подобных идолов. Судя по этим данным, население указанных территорий относится к одному культурному ареалу.

Будучи хранителем Индонезийского отдела, Е. В. Соболева внесла значительный вклад в дело его научной регистрации — об этом свидетельствуют многочисленные сделанные ею с большим тщанием описи коллекций и составленный ею каталог (в настоящем сборнике) всех собраний по Индонезии и Филиппинам. Она является автором уже упоминавшихся тезисов доклада об истории собирания коллекций Отдела Индонезии.⁷⁷

Так как до середины XIX в. территория Малайзии на Малаккском полуострове входила в состав Индонезии, поступавшие в МАЭ коллекции не делились на «малайские» и «индонезийские» и не было специальных приобретений по малайцам полуострова. Коллекции по малайской (несиамской) части Малаккского полуострова, которыми располагает музей (№ 1094, 2348, 3005, 3321), характеризуют преимущественно отдельные стороны традиционной культуры аборигенного населения — сеноев и джакунов. Коллекция из 34 предметов, собранная в Малайзии А. К. Оглоблиным в 1978—1979 гг. (№ 6820), является

первой и на настоящее время единственной, отражающей бытовую культуру малайского населения современной Малайзии. Анализ этой небольшой коллекции и сравнение некоторых из составляющих ее предметов с хранящимися в МАЭ предметами аналогичного назначения с других островов Индонезии (Суматры, Явы и др.), произведенные Е. В. Ревуненковой, позволили острому исследовательскому взгляду автора увидеть малазийскую культуру в ее многообразных связях с традиционной культурой народов индонезийского ареала, а также с культурой Индии и соседнего Таиланда.⁷⁸

До 1889 г. в Отделе культурных стран Азии было 40 коллекций (4630 предметов), относящихся к материковой части ЮВА. «С 1889 г. происходит постоянное расширение отдела путем пополнения уже имевшихся коллекций и включения новых народностей (по Индокитаю...). Особое внимание было обращено на увеличение предметов народной религии и повседневного быта».⁷⁹ В 1893 г. от А. П. Шнейдера в МАЭ поступило ценное собрание (главным образом по буддизму) из Непала и Бирмы (247 предметов).

В 1907 г. писали: «Последнее десятилетие существования Этнографического музея отличалось особенно интенсивным ростом отделов, характеризующих быт народов культурного Востока Азии и Европы. Образовались целые систематические отделы по областям, по которым до того времени не имелось ни одного предмета. Так сразу в музее появился... сиамский, индокитайский, индийский и т. д.».⁸⁰

«Благодаря энергии Радлова Индийский и Индокитайский отделы, насчитывающие ранее по 1—20 предметов, приняли характер систематических коллекций. Государем Николаем II были пожертвованы сиамские вещи (предметы роскоши); профессор Ганс Мейер поднес музею богатейшую (до 400 предметов) коллекцию индокитайских одежд; с Международной рыболовной выставки поступила коллекция сиамских рыболовных принадлежностей; от А. Н. Казнакова, барона Стаэль фон Гольштейна и русского консула Некрасова в Бомбее поступили наконец коллекции по брахманизму».⁸¹ К 1907 г. «оба отдела — Индийский вместе с Цейлоном и Индокитайский, связывающий азиатский культурный пояс с полукультурной Индонезией... насчитывают приблизительно до 1000 предметов».⁸²

«По поручению музея лицами, командированными от различных учреждений, были сделаны приобретения, удачно восполнившие существующие пробелы. С 1889 по 1913 г. по Индокитаю поступило 123 предмета, по Аннам — 5».⁸³

Как уже говорилось выше, материковая часть Юго-Восточной Азии в МАЭ была разделена между двумя отделами: одна из них относилась к Индии, другая — к Дальнему Востоку. Граница между этими подразделениями не была строго научной. Так, в брошюре «Музей антропологии и этнографии» (Л., 1925) было написано об Отделе Индии: «Отдел представляет быт и культ Индии, Бирмы, Цейлона и Сиамы, рассматривая последние три области как культурные колонии первой» (с. 18). Однако известно, что к «культурным колониям» Индии относятся и Лаос, и Камбоджа, не упомянутые в приведенном пассаже. Двумя годами позже А. М. Мерварт, перечисляя относящиеся к Отделу Индии территории на Индокитайском полуострове, к названным выше странам отнес также Ассам.⁸⁴

Из сотрудников Ленинградской части Института этнографии, в разное время занимавшихся и занимающихся сейчас этнографией материковой части ЮВА, следует назвать Н. И. Воробьева, Н. В. Кюнера, Г. Г. Стратановича, Р. Ф. Итса, А. И. Мухлинова, В. Р. Кабо, Е. В. Иванову, И. Г. Косикова, А. Ю. Сеницына. Если прибавить имена тех, кто занимался и продолжает заниматься регис-

Рис. 8. Г. Г. Стратанович.

трацией, описанием и хранением музейных коллекций, то список этот включит Е. В. Ревуненкову, А. М. Решетова, А. А. Свиридова, Л. И. Баславскую, Н. В. Юхневу, М. Н. Серебрякову, Л. А. Иванову, И. В. Суслову, Л. Л. Левизи, Г. А. Гловацкого, С. Б. Фараджева, В. А. Кынчикова.

С 1938 по 1949 г. в Отделе Дальнего Востока Института этнографии трудился Г. Г. Стратанович, в 1950 г. переехавший в Москву и до самой смерти (в 1977 г.) работавший там в Институте этнографии (рис. 8). Ученик Н. В. Кюнера, китаист по образованию, посвятивший кандидатскую диссертацию дунганам Киргизии, один из авторов раздела «Китай» в серии «Народы мира», Г. Г. Стратанович включил в круг своих научных интересов и Юго-Восточную Азию, написал главы о Бирме, Таиланде, Лаосе в томе «Народы Юго-Восточной Азии». Занимаясь религиями народов Азии,⁸⁵ Г. Г. Стратанович наряду со статьями о верованиях разных народов региона написал монографию о верованиях народов Индокитайского полуострова, увидевшую свет уже после кончины автора.⁸⁶

В контексте данной статьи для нас представляет интерес музейная работа Г. Г. Стратановича. Она состоит из регистрации бирманской коллекции, из сбора коллекции по Бирме во время поездки по этой стране, наконец, из публикации этой коллекции в сборнике МАЭ.⁸⁷

Мы не будем останавливаться на истории формирования всего бирманского фонда МАЭ (132 предмета), так как в настоящем сборнике содержится статья А. Ю. Сеницына на эту тему.⁸⁸

Самой ранней по времени регистрации коллекцией, относящейся к Таиланду, формально является коллекция № 105, помеченная в описи «предположительно» как сиамская. Речь идет о кольце из бамбука, об «этнической» принадлежности которого действительно судить очень трудно. С определенностью к числу самых первых приобретений МАЭ по Сиаму следует отнести предметы из коллекции № 310, поступившей в 1893 г. как дар императора Николая II, передавшего Академии наук вещи, привезенные им из путешествия на Восток в 1890—1891 гг. Наиболее впечатляющими из подарков, преподнесенных цесаревичу, было королевское оружие — сабля, шашка, кинжал — в роскошных футлярах, с обильной позолотой (ныне хранятся в особых фондах МАЭ).⁸⁹

В составе поступившего в 1898 г. собрания К. Бергмана (кол. № 535) были книги на пальмовых листьях и две монеты из Сиама.

Большим пополнением сиамских коллекций МАЭ (92 предмета) ознаменовался 1902 г., когда Академия наук получила в дар от сиамского правительства экспонаты Сиамского отдела состоявшейся в С.-Петербурге Международной рыбопромышленной выставки.

Подлинным событием в деле накопления в МАЭ предметов, характеризующих тайскую культуру, явилось поступление коллекции, собранной в 1906 г. в Сиаме Н. И. Воробьевым. В нее входят принадлежности буддийского культа, музыкальные инструменты, одежда, украшения и т. д.⁹⁰

В 1907 и 1918 гг. сиамское собрание музея пополнилось двумя бронзовыми статуэтками Будды. Характеризуя предметы буддийского культа из Сиамы, авторы статьи о достижениях музея (в связи с 70-летием В. В. Радлова) писали: «В 1904 г. поступила ценная коллекция от директора Тифлисского музея А. Н. Казнакова, состоящая из предметов буддийского и брахманского культа. В ней заключалось первое ядро коллекции по сиамскому буддизму, которому суждено вырасти благодаря только что поступившей коллекции Н. И. Воробьева в сравнительно очень полное и разностороннее собрание».⁹¹

В 1950 г. из Государственного музея искусств народов Востока в МАЭ были переданы сиамские шляпы и обувь.

В 1958 г. МАЭ посетил гостивший в СССР сиамский принц Прем Пурачатра. В его честь была устроена выставка из сиамских вещей, извлеченных на короткое время из их постоянной «резиденции» в фондах (в то время в экспозициях МАЭ не было ни одной сиамской вещи). На память об этом визите гость оставил музею две тайландские бумажные ассигнации. Очень ценным пополнением сиамской коллекции явились переданные Ленинградским театральным музеем восемь масок театра кхон, подаренных еще в 1901—1902 гг., во время гастролей сиамской труппы в Петербурге, Дирекции императорских театров.

Из последующих поступлений в сиамский фонд следует назвать вещи, собранные в 50—70-е гг. двумя тайландцами — Л. Н. Моревым и Г. А. Загвоздиным (включены в одну коллекцию — № 6686). Л. Н. Морев — старший научный сотрудник Института востоковедения РАН (Москва), специалист по тайским языкам, автор многих книг и статей⁹² — неоднократно бывал в Таиланде (в 1952—1954 гг. был сотрудником Посольства СССР в Таиланде), Лаосе, Бирме и всегда привозил оттуда и дарил нашему музею предметы, характеризующие культуру народов этих стран. Его приобретения в Таиланде представляют собой лаковый подносик (из Бангкока) и несколько предметов одежды нетайских народов из Чиенгмая (о лаосских вещах см. далее). Г. А. Загвоздин после окончания тайского отделения восточного факультета ЛГУ попал на дипломатическую службу и несколько лет работал в Таиланде, откуда привез и подарил МАЭ тайские музыкальные инструменты, домик для духов (санпхрапхум), а также предметы одежды народов Северного Таиланда.

В целом собрание МАЭ по Таиланду включает свыше 200 предметов, дающих хотя и далеко не полное, но все-таки достаточно разностороннее представление о культуре основного народа страны — сиамцев; несколько вещей из этого собрания характеризуют быт представителей двух (из 30) других этносов, живущих в Северном Таиланде.

Регистрацией и описанием тайландских коллекций занимались К. К. Гильзен, Н. И. Воробьев, А. И. Иванов, Б. В. Семичев, Л. И. Баславская, Е. Т. Дубровина, С. А. Маретина, Д. И. Петрова, Н. В. Юхнева, Е. В. Иванова (некоторые из названных лиц причастны к работе над одной и той же описью, например К. К. Гильзен и Е. В. Иванова, Б. В. Семичев, Л. И. Баславская и Е. В. Иванова и т. д.).

Пионером научного описания тайландского собрания выступил Н. И. Воробьев. К сожалению, сведения, которыми мы располагаем об этом ученом, пять лет

проработавшем в нашем музее, сводятся к следующей справке. В 1906 г. к МАЭ был прикомандирован Н. И. Воробьев, «который сначала работал безвозмездно, регистрируя свои собственные коллекции, частью пожертвованные, частью подаренные им музею, а потом некоторое время заведовал Отделом коллекций европейских народов. В 1910 г. с переходом в музей Галереи императора Петра I на него было возложено заведование этой последней».⁹³ В 1911 г. Н. И. Воробьев оставил работу в музее. К сожалению, эти скудные данные не проливают света на самый важный для нас момент в биографии этой загадочной фигуры — историю его путешествия в Сиам. Из всех привезенных им из этой страны вещей Н. И. Воробьев выбрал для публикации в сборнике МАЭ только буддийские статуэтки.⁹⁴ Описание этого собрания, выдающее в авторе квалифицированного буддолога и сопровождающееся указанием точного «адреса» каждой из приобретенных ученым статуэток (т. е. из какого она города, храма), заслужило высочайшую оценку со стороны С. Ф. Ольденбурга, назвавшего работу Н. И. Воробьева образцом научного описания подобного рода предметов. «Позволим себе выразить пожелание, — писал он в предисловии к работе Воробьева, — чтобы пример Н. И. Воробьева нашел себе побольше подражателей и чтобы лица, собирающие буддийские священные изображения на местах, вели такие же тщательные записи при собирании, как их вел Н. И. Воробьев. Подобные записи сделают возможным появление описей, столь же ценных, как настоящая».⁹⁵

Описание другой части коллекции, собранной Н. И. Воробьевым, сделано в статье Е. В. Ивановой «Таиландские вещи в МАЭ», посвященной не только коллекции № 1041, но и всей совокупности вещей из Таиланда (на тот момент еще не было коллекций Л. Н. Морева и Г. А. Загвоздина). Ранее в статье этого автора «Хозяйство и материальная культура тайских народов Таиланда»⁹⁶ было опубликовано несколько предметов из коллекции сиамских рыболовных орудий. Предметы, относящиеся к одежде, головным уборам, обуви народов Таиланда, были использованы в статье Е. В. Ивановой «Одежда народов Таиланда».⁹⁷ Научное описание еще одной группы предметов из Таиланда — театральных масок — впервые сделано в статье Е. В. Ивановой, публикуемой в настоящем сборнике. Поступившие в музей в 1957 г., но хранившиеся в Отделе Индии, они не попали в поле зрения автора при написании ранее упомянутой статьи «Таиландские вещи в МАЭ».

Появление в МАЭ первых этнографических предметов из Камбоджи связано с именем И. Г. Косикова. Выпускник кхмерского отделения восточного факультета ЛГУ, в 1965 г. И. Г. Косиков был принят на работу в Институт этнографии. Однако спустя год молодой специалист был уже в Камбодже, воспользовавшись возможностью двухлетней стажировки по линии МИД СССР, определившей всю его дальнейшую жизнь. Программа стажировки, разработанная в Институте этнографии его научным руководителем А. М. Решетовым, предусматривала совершенствование в кхмерском языке, изучение материальной и духовной культуры кхмеров и других народов. Занятия в Королевском университете в Пномпене (на факультетах словесности, искусства и археологии, народной музыки), поездки по стране позволили И. Г. Косикову успешно выполнить намеченный план, приобщиться к кхмерской культуре, проникнуться ее духом.⁹⁸ Достигнутый им высокий уровень профессионализма стал причиной его отвлечения от этнографического поприща: в 1970—1973 гг. он работал атташе и вторым секретарем Посольства СССР в Камбодже, а через два года получил назначение на должность второго секретаря Посольства СССР в Лаосе (1975—1977 гг.). Обязанности дипломатического работника (а затем журналиста) И. Г. Косиков неизменно совмещал с серьезными занятиями этнографией народов Камбоджи⁹⁹ и Лаоса, не порывая духовно с Институтом этнографии, а в 1989 г. вернулся в институт, однако на сей раз в Москве.

И. Г. Косиков собрал и подарил МАЭ небольшую этнографическую коллекцию по Камбодже (22 предмета), являющуюся первой и по сей день единственной в своем роде в нашем музее. Предметы, относящиеся к равнинным и горным кхмерам, были куплены им в разных провинциях страны (Кандоль, Сиенреап, Такео и др.). Несколько вещей было приобретено им в Лаосе (в Съентьяне и Луангпхабанге) и также передано в МАЭ.

В коллекцию № 6631, первоначально включавшую только кожаные фигуры кхмерского театра теней, впоследствии были добавлены и предметы из Камбоджи и Лаоса более позднего поступления.¹⁰⁰ Этой коллекции (в ее первоначальном виде) и сопутствующей ей иллюстративной коллекции И-1977, отражающей процесс изготовления кожаных фигур и также переданной музею, посвящена статья И. Г. Косикова «Кхмерский театр теней».¹⁰¹ Базируясь на полевых материалах, автор освещает материальную сторону этого театра: какие куклы участвуют в представлениях и как они делаются, игрой на каких инструментах сопровождаются эти сцены (оставляя для будущих публикаций другие аспекты темы: репертуар, обрядовую сторону театра теней, а также проблему его происхождения).

Самая ранняя из коллекций, характеризующих быт народов Лаоса XX в., поступила в МАЭ в 1903 г. в составе собрания вещей из Индокитая, подаренных музею Гансом Мейером (кол. № 732), среди них большая часть — одежда и обувь народов Вьетнама. Лаосская часть этой коллекции — это предметы традиционной (преимущественно женской) одежды нескольких народов Лаоса — лаосцев (юбки, шарфы), лы (халаты, юбки и пр.), тхай неа (юбки сшитые и несшитые), юан (юбка), пуок (юбки).¹⁰²

В коллекции (№ 1041), привезенной в 1906 г. Н. И. Воробьевым, имеется несколько лаосских изделий из лака.

История следующей лаосской коллекции МАЭ связана с проведением в Ленинграде в помещении Государственного музея этнографии народов СССР с 7 по 21 сентября 1977 г. выставки «Искусство Лаоса», организованной Министерством изящных искусств Лаоса совместно с сотрудниками ленинградского музея. На выставке демонстрировались произведения лаосского искусства и предметы быта лаосцев прошлых эпох — скульптура бога Ганеши из камня (VIII в.), бронзовые статуэтки Будды (XVII и XVIII вв.), сосуды для вина, снаряжение воина (XVIII—XIX вв.), — частично принадлежащие Национальному музею во Вьентьяне, частично являющиеся собственностью антиквара из столицы Лаоса. На выставке были широко представлены также изделия современных лаосских мастеров из различных материалов, музыкальные инструменты и произведения учеников Вьентьянской школы изящных искусств (живописцев, скульпторов и др.). В 1978 г. в МАЭ поступила коллекция из 49 предметов, фигурировавших на этой выставке. Первоначально они были преподнесены организаторами выставки в дар принявшему их музею (ГМЭ) и любезно переданы последним в наш музей.¹⁰³

В этой коллекции (№ 6800) отлично представлены образцы плетения, резьбы по дереву, керамики, одежда нескольких народов в натуральном виде и на куклах, изображающих девушек лао, мео кхам и мяолай.

В разные годы пополнялась лаосскими вещами коллекция № 6686, включающая этнографические предметы из Таиланда, Бирмы и Лаоса, собирателем большей части которых, в том числе лаосских, является Л. Н. Морев. Штамп для набивки, куклы в национальном женском лаосском наряде, покрывало из района Лаоса, где живут тай ныа, тканая сумка из области расселения тхай мэй, предметы одежды красных, черных и белых тхай и сумка, носимая представителями народа пхуной, — таковы последние по времени «приращения» нашего лаосского собрания. Регистрация названных поступлений была произведе-

Рис. 9. Р. Ф. Итс.

дена Н. В. Юхневой, А. И. Мухлиновым, М. Н. Серебряковой, Е. В. Ивановой.

Самая ранняя по времени поступления в МАЭ коллекция, содержащая предметы из Вьетнама (№ 310), подарена музею в 1893 г. Николаем II. В нее входят (наряду с перовыми веерами в количестве 51 штуки) два уникальных экспоната — красное деревянное с позолотой кресло, поднесенное цесаревичу в 1890 г. в Сайгоне, а ныне экспонируемое в Отделе Вьетнама, а также деревянное изображение бога охоты (из Аннама), покровителя охотников, со шкурами ягуара и тигра, — долгие годы украшающих вестибюль нашего музея (и носящих следы не всегда цивилизованного интереса к себе со стороны посетителей музея: в 1958 г., например, у шкур были подрезаны хвосты и задние лапы).

Следующая по степени давности поступления коллекция по Вьетнаму (№ 732) была преподнесена в дар музею знаменитым немецким географом, корреспондентом МАЭ Гансом Мейером.

Предметы одежды, обувь и украшения народов Вьетнама и Лаоса (в количестве 221), составившие это собрание, были присланы в 1903 г. в Петербург из Ханоя колониальными французскими властями для экспонирования на первой Международной выставке исторических и современных костюмов, расположившейся в залах Таврического дворца, и в том же году куплены Г. Мейером и переданы в МАЭ.

В коллекции содержатся комплекты одежды представителей различных социальных слоев вьетского общества XIX в.: одежда мандарина высокого ранга и его супруги, костюмы богатых горожан (мужской и женский варианты), костюм простолюдина, фрагментарно одежда, головные уборы, обувь иных социальных групп, а также одежда других народов Вьетнама — мео, яо, мыонг, тай, тхай и пр.

А. И. Мухлинов в статье, посвященной одежде народов Вьетнама и Лаоса и построенной в значительной степени на исследовании предметов из данной коллекции (а также из собранной автором лично коллекции и некоторых других), сетовал на то, что «французские колониальные власти, подготавливая на Петербургскую выставку костюмы народов Индокитая, не предполагали, что все эти костюмы поступят в крупный этнографический музей. Об этом свидетельствуют подборка их по принципу „экзотичности“, отсутствие образцов одежды многих этносов и одновременно наличие дубликатов отдельных принадлежностей костюмов».¹⁰⁴ Такую оценку коллекции № 732 нельзя не признать явно максималистской: не только более богатой, но и вообще какой-либо коллекции ныне отошедшей в вечность одежды феодального Вьетнама с тех пор в

МАЭ не поступало. Из анализа предметов этой коллекции, содержащегося в статье А. И. Мухлинова, очевидна исключительная ценность данного собрания для изучения как истории одежды народов Вьетнама, так и культурных связей Вьетнама с окружающим миром, прежде всего с Китаем.

Другая часть этой коллекции — одежда двух горных народов Вьетнама, мяо и яо (мань), — явилась предметом исследования специалиста по этим народам Р. Ф. Итса (рис. 9).¹⁰⁵ Цель его работы, озаглавленной «Одежда мяо и яо (мань) Вьетнама», далеко выходит за рамки, обозначенные названием. Прибегая к анализу данных китайских исторических хроник (начиная с «Шуцзина», VII в. до н. э.) на предмет выяснения происхождения этих народов, Р. Ф. Итс стремился на основании изучения конкретных образцов традиционной одежды и орнамента установить факт наличия (и степень) их этнического родства. Не ограничиваясь только собранием МАЭ, автор широко пользовался материалами исследований этих элементов культуры двух этносов китайских и западных ученых (Лин Чуньшена, Жуй Ифу, Мюнстерберга и других). Проведенное автором на этой базе сравнение одежды мяо и яо между собой, с одеждой других групп этих же народов, расселенных в Китае, а также с одеждой окружающих народов — вьетнамцев, тайских народов, китайцев позволило ему сделать такой вывод: «...на основании общих основных элементов одежды, общего принципа покроя... и украшения ее, отличающих мяо и маней от их древних соседей, можно говорить и об этнической близости мяо и маней. Подобная общность прослеживается и в орнаменте, которым они украшают свою одежду».¹⁰⁶ К известным (по трудам Х. Девиса, Г. Масперо, Н. Н. Чебоксарова и М. Г. Левина) лингвистическим и антропологическим доводам в пользу теории этнического единства мяо и яо Р. Ф. Итс добавил подтверждающие эту концепцию сведения, почерпнутые из исторических источников и материальной культуры этих народов. Совпадение разнообразных данных позволяет читателю согласиться с заключением исследователя об этническом родстве народов мяо и яо.

А в 1912 г. в музей поступили от А. Н. Казнакова две сайгонские вещи (кол. № 1964). После освобождения Вьетнама от колониальной зависимости и установления тесных связей между СССР и ДРВ (а затем СРВ) поступления по Вьетнаму в МАЭ стали довольно частыми. Начиная с 1956 г. в МАЭ поступали коллекции (или отдельные предметы) в дар от жителей Вьетнама, приезжавших в нашу страну (студентов, аспирантов, профессоров), от коллективов Общества вьетнамо-советской дружбы, граждан г. Хошимина (№ 6598 и 6949) и т. д., от советских граждан — этнографов Р. Ф. Итса, А. М. Решетова, археолога П. И. Борисковского и т. д.

В 1957 г. по инициативе Г. Г. Стратановича были куплены для МАЭ (в магазине ювелирторга в Москве) произведения прикладного искусства вьетнамцев — лакированные коробки, подносы, альбомы (кол. № 6202). Некоторые коллекции приобретены у частных лиц. В 1960 г. состоялась передача нашему музею от Государственного музея восточных культур 45 предметов быта вьетнамцев (кол. № 6439) — веера, вышивка, плетение, изделия из дерева.

А. И. Мухлинов, побывавший в ДРВ дважды (в 1957—1958 и 1962 гг.¹⁰⁷), из первой своей командировки в эту страну привез коллекцию предметов быта вьетов и представителей других этносов — тхай, нунг, ман, са, банар и др. В нее входят одежда, оружие, музыкальные инструменты (кол. № 6531). Во время второй поездки автор побывал в д. Тайхай, запечатлел на пленке предметы их быта, орудия труда, так появилась иллюстративная коллекция (№ И-1937).

Первичную регистрацию вьетнамских коллекций производили А. Иванов, Д. К. Дубровина, Л. И. Баславская, Д. И. Пушнова, Н. В. Юхнева, Л. А. Иванова, А. И. Мухлинов, И. В. Сулова, повторную (когда первая не удовлетво-

ряла требованиям полноты и точности) — А. И. Мухлинов, И. В. Сулова, М. Н. Серебрякова.

Сведения о вьетнамской экспозиции МАЭ, созданной А. И. Мухлиновым, содержатся в написанном им разделе «Вьетнам» «Путеводителя по Восточной Азии» (Л., 1964), а также в путеводителе по всему музею Т. К. Шафрановской.¹⁰⁸

26 июля 1980 г. в МАЭ была открыта экспозиция «Традиционное народное искусство материковой Юго-Восточной Азии» (автор — Е. В. Иванова, художники — Т. Л. Юзепчук и В. Зверев). Как уже говорилось в начале статьи, неполнота и разнохарактерность коллекций по разным странам этого региона не позволили создать экспозицию по культуре и быту отдельных стран, и выход был найден в создании выставки по тематическому принципу. Цель этой выставки виделась в показе культурной общности в рамках материковой ЮВА, явившейся итогом многовекового процесса культурного общения ее народов, «в результате чего создалось некое по многим параметрам единое культурное пространство, не разделенное непроницаемыми барьерами политических границ», в создании возможности заметить черты сходства в культурах населения всей ЮВА, и материковой, и островной.¹⁰⁹

¹ Штернберг Л., Адлер Б., Петри Е. и др. МАЭ в период 12-летнего управления В. В. Радлова (1894—1906) // Ко дню 70-летия В. В. Радлова. Спб., 1907; Материалы для истории академических учреждений за 1889—1914 гг. Пг., 1917; Маретин Ю. В. Индонезия: Краткий путеводитель по экспозиции. М.; Л., 1964; Мухлинов А. И. Вьетнам: (ДРВ, Южный Вьетнам) // Восточная Азия: (Краткий путеводитель по экспозиции). М.; Л., 1964. С. 19—22; Станюкович Т. В. Этнографическая наука и музеи. Л., 1978; Шафрановская Т. К. МАЭ АН СССР: Путеводитель без экскурсовода. Л., 1979; Решетов А. М. История формирования коллекций и изучения народов Зарубежной Азии в МАЭ // Сб. МАЭ. 1980. Т. 35. С. 98—107; Соболева Е. С. Этапы формирования Индонезийского отдела МАЭ // Проблемы общей этнографии и музеефикации: Крат. содерж. докл. науч. сессии ЛО ИЭ АН СССР, посвящ. 70-летию Великого Октября. Л., 1987. С. 53—54.

² Трисман В. Г. Предметы культуры и быта населения южных Молуккских островов: Собрание А. С. Эстрина // Сб. МАЭ. 1969. Т. 25; Станюкович М. В. Необычная биография: (Рой Фрэнклин Бартон, 1883—1947) // СЭ. 1979. № 1. С. 76—83.

³ Материалы для истории... С. 254.

⁴ Станюкович Т. В. Этнографическая наука и музеи. С. 69.

⁵ Там же. С. 20.

⁶ Соболева Е. С. Этапы формирования... С. 53—54.

⁷ Архив МАЭ, журн. пост., кол. 13 и 37; С.-Петербургское отделение Архива РАН, ф. 1, оп. 2 (1838 г.), № 21, § 368; оп. 1а (1867 г.), № 115, ИФ, § 134 (1868 г.); № 124, ИФ, § 98. — Цит. по: Станюкович Т. В. Этнографическая наука и музеи. С. 85.

⁸ С.-Петербургское отделение Архива РАН, ф. 1, оп. 2 (1821 г.), § 389; оп. 1 (1805 г.), № 1 (1805—1828 гг.), л. 87. — Цит. по: Станюкович Т. В. Этнографическая наука и музеи. С. 65.

⁹ Материалы для истории... С. 269.

¹⁰ Там же. С. 268 — Кстати, в 1889 г. на первой экспозиции МАЭ среди коллекций по странам Востока (Китаю, Монголии, Японии) фигурировали коллекции по населению Зондских островов.

¹¹ Станюкович Т. В. Этнографическая наука и музеи. С. 132.

¹² Там же. С. 132.

¹³ Материалы для истории... С. 259.

¹⁴ Коллекция эта была целиком выставлена в МАЭ под рубрикой «Вновь выставленные коллекции». См.: Путеводитель по МАЭ. Пг., 1900. С. 86.

¹⁵ Ко дню 70-летия В. В. Радлова. С. 96—97.

¹⁶ Материалы для истории... С. 272.

¹⁷ Станюкович Т. В. Этнографическая наука и музеи. С. 136—138.

¹⁸ Нам неизвестно, что привело П. П. Ефименко на Яву в 1915 г. Коллекция, привезенная им, содержит не только инструменты, применяемые при окраске тканей методом батика, но и образцы тканей, показывающие разные стадии процесса их окрашивания, служащие прекрасными экспонатами в экспозиции. В 30-е гг. П. П. Ефименко возглавлял археологическую секцию МАЭ. В. В. Святловский в 1908 г. был избран корреспондентом МАЭ.

¹⁹ Коллекции де Брюина и Бауда, Н. Н. Миклухо-Маклая наряду с коллекциями Стюрлера (№ 158) и Риделя (№ 84) фигурировали в экспозиции МАЭ в начале века. См.: Путеводитель по МАЭ.

- ²⁰ Ухтомский Э. Э. Путешествие государя императора Николая II на Дальний Восток и в Сибирь (1890—1891 гг.). Спб., 1895.
- ²¹ № 893, 2897, 2901, 2902, 2905, 2944, 2946, 2947.
- ²² Небольшая часть коллекций (№ 5172—5177), по-видимому, осталась в их личном распоряжении и впоследствии дошла до МАЭ (С.-Петербургское отделение Архива РАН, ф. 250, оп. 3, № 8, л. 2).
- ²³ Трисман В. Г. Предметы культуры и быта населения южных Молуккских островов.
- ²⁴ С.-Петербургское отделение Архива РАН, ф. 142, оп. 1 (193), № 5, л. 34 (отчеты отделов МАЭ за 1931 г.).
- ²⁵ Станюкович М. В. Необычная биография. С. 76—83.
- ²⁶ Там же. С. 79. — В описи кол. № 5688, характеризующей культуру ифугао, помечено: «От Бартона Р. Ф. Командировка».
- ²⁷ Бартон Р. Ф. 1) Ифугао, малайское племя нагорной части Филиппин // СЭ. 1931. № 1; 2) Использование мифов как магии у горных народов Филиппин // Там же. 1935. № 3; 3) Предварительный анализ древнейшего слоя терминов родства у племени ифугао // Там же. 1940. № 13. — В архиве МАЭ находится также работа Р. Ф. Бартона «Филиппинские острова: Краткий историко-этнографический очерк».
- ²⁸ Индонезийский ученый и члены его семьи позировали скульпторам А. А. Колокольчикову и И. Н. Хитрову, создавшим манекены для индонезийской экспозиции МАЭ.
- ²⁹ О поездке в Западный Ириан см.: Комин П. В. Полгода в Западном Ириане: Этнографические и экономико-географические заметки // СЭ. 1964. № 1. С. 133—143.
- ³⁰ Маретин Ю. В., Решетов А. М. О коллекции Комина // Там же. С. 157—164.
- ³¹ Привлечение к полезной для МАЭ деятельности У. Эффенди — заслуга В. Г. Трисман, а М. К. Йонгелинг — В. Г. Трисман и Е. В. Ревуненковой.
- ³² Ревуненкова Е. В. Коллекция предметов культуры и быта из Малайзии // Сб. МАЭ. 1984. Т. 39. С. 136—143.
- ³³ К дню 70-летия В. В. Радлова. С. 31.
- ³⁴ Там же. С. 46. — Так как регистрация коллекций МАЭ, к которой приступили в конце прошлого века, началась с более новых поступлений и лишь вслед за ними разбирались старые коллекции, то номера коллекций и время их регистрации не отражают реальной картины поступления их в МАЭ (см.: Материалы для истории... С. 269).
- ³⁵ Путеводитель по Музею имп. АН по антропологии и этнографии. Спб., 1904.
- ³⁶ К дню 70-летия В. В. Радлова. С. 40.
- ³⁷ О территориях, находившихся в ведении Отдела Индонезии, читаем в брошюре «Музей антропологии и этнографии», изданной в Ленинграде в 1925 г. (авторы не указаны, но есть основания «подозревать» в их числе Л. А. Мерварт): «Отдел Индонезии включает Большие и Малые Зондские острова Малайского архипелага, далее острова Андаманские, Никобарские, Филиппинские и п-ов Малакку» (с. 19). В числе наиболее ценных коллекций отдела здесь названы коллекции по Андаманским островам, о-вам Суматра (Г. Мейснера, К. Машмейера и других), Борнео и Целебес (А. Грубауэра), по Молуккским островам (О. Д. Тауерна, А. Эстрина и А. Смотрицкой).
- ³⁸ Экспедиция в Индию, ее огромное значение для МАЭ (было привезено 5575 предметов!), работа Л. А. и А. М. Мервартов по возвращении в Ленинград с большим знанием дела и вдохновением освещены в книге Н. Г. Краснодембской «От Львиного острова до Обители снегов» (М., 1983).
- ³⁹ Сб. МАЭ. 1927. Т. 6. С. 165—209; 1928. Т. 7. С. 242—266.
- ⁴⁰ Выставка продлилась с 26 марта по 11 апреля 1927 г. Ей сопутствовал цикл лекций. Л. А. Мерварт прочла лекцию на тему «О малайском театре: эволюция театра актера, с одной стороны, и марионеток, с другой стороны» (С.-Петербургское отделение Архива РАН, ф. 142, оп. 1, 1927 г., № 1, л. 3).
- ⁴¹ Восточный театр. Л., 1929. С. 194.
- ⁴² Там же. С. 194.
- ⁴³ Мерварт Л. А. Способы украшения одежды из древесной коры у индонезийцев // Сб. МАЭ. 1929. Т. 8. С. 314—323.
- ⁴⁴ Сведения о биографии Л. А. Мерварт почерпнуты из некролога в журнале «Народы Азии и Африки» (1965. № 3), где этот 15-летний отрезок жизненного пути Л. А. Мерварт не освещен.
- ⁴⁵ Сказание о Санг Боме / Пер. с малайского Л. А. Мерварт. Подг. к печати, предисл. и примеч. Б. Б. Парникеля. М., 1973.
- ⁴⁶ Каруновская Л. Э. 1) Бытовой очерк села Новосельско-Зюзино Ярославской губ. Ростовского уезда // Революция в деревне / Под ред. В. Г. Богораз-Тана. Б. м., 1924; 2) Из алтайских верований и обрядов, связанных с ребенком // Сб. МАЭ. 1927. Т. 6. С. 19—36. — Л. Э. Каруновская собрала коллекции и по алтайцам (Архив МАЭ, журн. пост., кол. 3125, 3720, 3728, 3645, 3943, 3974).
- ⁴⁷ С 1933 г., когда отделы Индонезии и Индии вошли в Отдел Дальнего Востока (руководителем которого стал Н. В. Кюнер), Л. Э. Каруновская оставалась заведующей музейного Отдела Индонезии.
- ⁴⁸ Каруновская Л. Э. 1) Следы группового брака у батаков Суматры // ТИЭ. 1936. Т. 4. С. 354—361; 2) Экспозиция «Индонезия» в МАЭ // СЭ. 1950. № 3, и др.
- ⁴⁹ Станюкович Т. В. Этнографическая наука и музеи. С. 265—266. — Были, вероятно, и огорчения, и неудачи в экспозиционной деятельности: в 1935 г. была сделана новая экспозиция «Голландский империализм в Индонезии» «бумажного типа» (фотографии, тексты, графики), которая успеха у пуб-

лики не имела. «Реакция зрителей вынуждала заняться пересмотром значения вещевого материала в экспозиции, что привело к его реабилитации», — пишет Т. В. Станюкович (там же. С. 207). См.: Сб. материалов по истории этнографических музеев и выставок: М., 1972.

⁵⁰ *Лекомцев И. М.* Хлеборубы восточных островов Азиатского архипелага : (по материалам Музея ИАЭ АН СССР) // СЭ. 1935. № 2.

⁵¹ В 1940 г. В. Г. Трисман окончила Институт иностранных языков.

⁵² Об этих выставках см.: *Стратанович Г. Г.* Выставка ИЭ АН СССР в ЦПКиО им. С. М. Кирова (Ленинград) // СЭ. 1951. № 1; *Грач А. Д.* Этнографическая экспозиция «Индонезия» // КСИЭ. 1951. Т. 13. С. 15—19; *Каруновская Л. Э.* Экспозиция «Индонезия» в МАЭ // СЭ. 1950. № 3.

⁵³ *Трисман В. Г.* 1) О русской этнографической карте XVII в. // КСИЭ. 1950. Т. 10; 2) Русские источники в монографии Н. Витсена «Северная и Восточная Татария» // Там же. 1951. Т. 13. С. 15—19.

⁵⁴ *Трисман В. Г., Маретин Ю. В.* Рыболовство в Индонезии // Сб. МАЭ. 1966. Т. 23.

⁵⁵ *Трисман В. Г., Маретин Ю. В.* Пережитки ранних форм религии у индонезийских рыбаков // Религия и мифология народов Восточной и Южной Азии. М., 1970. С. 120—146.

⁵⁶ *Трисман В. Г.* К истории развития индонезийской одежды : (по коллекциям МАЭ) // Сб. МАЭ. 1974. Т. 30.

⁵⁷ *Трисман В. Г.* Предметы культуры и быта населения южных Молуккских островов.

⁵⁸ *Трисман В. Г.* К условиям складывания общего языка в Индонезии // Этническая история народов Азии. М., 1972.

⁵⁹ *Трисман В. Г.* Колонизаторы в фольклоре индонезийского народа // Фольклор и этнография. Л., 1972. С. 114—122.

⁶⁰ *Трисман В. Г.* Брачные обряды и поверья у индонезийцев // Мифология и верования народов Восточной и Южной Азии. М., 1973.

⁶¹ *Трисман В. Г., Шафрановская Т. К.* Индонезийский театр теней // Хочу все знать. 1960. № 3. С. 138—143.

⁶² Фиолетовый змей. Л., 1960. — Пер. с индонез. У. Эффенди и В. Г. Трисман.

⁶³ См. об этом: *Маретин Ю. В., Решетов А. М.* Новая коллекция по папуасам Западного Ириана в МАЭ им. Петра Великого АН СССР // СЭ. 1964. № 1. С. 157—164.

⁶⁴ *Маретин Ю. В.* МАЭ. Индонезия: Краткий путеводитель по экспозиции. Л., 1964.

⁶⁵ The ethnographic collection of the Pacific peoples in the Museum of Anthropology and Ethnography. Moscow, 1966.

⁶⁶ Как писали авторы труда, посвященного 70-летию В. В. Радлова, с приходом этого замечательного ученого к заведованию музеем стало очевидно, что «выставление коллекций... отнюдь не составляет ни единственной, ни тем паче главнейшей задачи этнографических музеев. Основная задача их — накопление как можно более обширного материала для выяснения процесса эволюции человеческой культуры. С этой точки зрения музеев — прежде всего лаборатория для специалистов, заинтересованных теми или другими проблемами эволюции» (с. 55).

⁶⁷ *Ревуненкова Е. В.* 1) Книги батакских жрецов в собраниях МАЭ // Сб. МАЭ. 1969. Т. 25. С. 235—256; 2) Новая коллекция батакских жреческих книг // Там же. 1984. Т. 39. С. 120—135. — Как уже говорилось выше, жреческие книги имеются в коллекциях, собранных Г. Мейсснером, К. Машмейером, А. Грубауэром и М. К. Йонгелинг.

⁶⁸ *Ревуненкова Е. В.* Магические жезлы батаков Суматры // Сб. МАЭ. 1973. Т. 29. С. 183—200.

⁶⁹ *Ревуненкова Е. В.* «Корабль мертвых» у батаков Суматры // Там же. 1974. Т. 30. С. 167—180.

⁷⁰ Там же. С. 179.

⁷¹ Там же. С. 180.

⁷² *Ревуненкова Е. В.* Народы Малайзии и Западной Индонезии : (Некоторые аспекты духовной культуры). М., 1980.

⁷³ *Маретина С. А.* 1) Современная и традиционная скульптура балийцев // Сб. МАЭ. 1969. Т. 25. С. 213—234; 2) Резное панно с о-ва Бали // Там же. 1973. Т. 29. С. 172—182. — О глубоком интересе исследовательницы к истории и культуре балийцев свидетельствует то, что С. А. Маретина является автором разделов о балийцах в томе «Народы Юго-Восточной Азии» (М., 1966), статей «Балийцы» (Страны и народы бассейна Тихого океана. М., 1968. С. 223—245. (Страны и народы Востока; Вып. 4)), «Трансформация индийских варн на о-ве Бали» (Касты Индии. М., 1965. С. 185—198).

⁷⁴ Этой проблеме посвящена статья Ю. В. Маретина «По поводу индийских влияний в балийской культуре» // Индия — страна и народ. М., 1967. С. 129—149. (Страны и народы Востока; Вып. 5).

⁷⁵ *Маретина С. А.* Современная и традиционная скульптура балийцев. С. 223.

⁷⁶ *Соболева Е. С.* 1) Луки и стрелы с о-ва Тимор // Сб. МАЭ. 1984. Т. 39. С. 144—151; 2) Западно-ирианские корвалы в коллекциях МАЭ // Там же. С. 152—160.

⁷⁷ *Соболева Е. С.* Этапы формирования Индонезийского отдела МАЭ. С. 53—54.

⁷⁸ *Ревуненкова Е. В.* Коллекция предметов культуры и быта из Малайзии // Сб. МАЭ. 1984. Т. 39. С. 136—143.

⁷⁹ Материалы для истории... С. 265.

⁸⁰ Ко дню 70-летия В. В. Радлова. С. 81—82.

⁸¹ Там же. С. 86—87.

⁸² Там же. С. 88.

⁸³ Материалы для истории... С. 265.

⁸⁴ Мерварт А. М. Отдел Индии: Краткий очерк индийской культуры по материалам Отдела Индии МАЭ. Л., 1927. С. 1.

⁸⁵ Г. Г. Стратановичем была задумана серия изданий по мифологии и верованиям народов Азии, продолжающаяся и поныне под руководством Н. Л. Жуковской.

⁸⁶ Стратанович Г. Г. Народные верования населения Индокитая. М., 1978.

⁸⁷ Стратанович Г. Г. Из национальных развлечений бирманцев // Сб. МАЭ. 1969. Т. 25. — Впечатлениями от поездки в Бирму навеяна и другая статья этого автора: Бирманские лаки // Декоративное искусство СССР. 1960. № 1.

⁸⁸ Сеницын А. Ю. Бирманские коллекции МАЭ. — См. с. 42—52 настоящего сборника. Выпускник отделения бирманской филологии восточного факультета ЛГУ, А. Ю. Сеницын окончил аспирантуру Института этнографии, в 1989 г. защитил диссертацию на тему «Стереотипы поведения бирманцев». С 1988 г. — сотрудник Сектора Зарубежной Азии ИЭ АН СССР (Ленинград) (ныне Отдела Восточной и Юго-Восточной Азии МАЭ).

⁸⁹ Эти вещи (вместе с подаренными наследнику престола России в других странах) были выставлены в Музее как «дар государя императора Николая II» (Путеводитель по МАЭ. Пг., 1900. С. 20—21).

⁹⁰ Н. И. Воробьев привез из своего путешествия на Индокитайский полуостров (маршрута которого мы не знаем) 144 предмета. Этот дар был оформлен как одна коллекция под № 1041. Отражая разделение стран Индокитайского полуострова между отделами Индии и Дальнего Востока, коллекция была разделена между ними, и та, что относится к Сиаму, хранится в Отделе Индии, а не относящиеся к Сиаму предметы (№ 45—50 и 143) — в Отделе Дальнего Востока. В 1906 г. в МАЭ экспонировались коллекции, привезенные Н. И. Воробьевым из путешествий по странам Востока, в том числе по Сиаму.

⁹¹ К дню 70-летия В. В. Радлова. С. 80. — Коллекция бронзовых Будд из Сиамы была выставлена в залах Отдела Дальнего Востока МАЭ, посвященных «объектам буддизма», главным образом северного, но включавших и «объекты из Непала и коллекцию бронзовых фигур из Сиамы» (Музей антропологии и этнографии. Л., 1925. С. 18). Когда в связи с 200-летием Академии наук экспозиция музея были обновлены, то в Индийском отделе наряду с вещами из коллекции Н. И. Воробьева экспонировались коллекции по сямскому рыболовству и судоходству и бирманские музыкальные инструменты (Мерварт А. М. Отдел Индии. С. 15, 78—79, 85).

⁹² Морев Л. Н. 1) Тайский язык. М., 1961; 2) Лаосский язык. М., 1972.

⁹³ Материалы по истории... С. 254.

⁹⁴ Воробьев Н. И. Описание собрания буддийских статуэток, приобретенных в Сиаме в 1906 г. // Сб. МАЭ. 1911. Т. 1, вып. 12.

⁹⁵ Там же. С. 1, 2.

⁹⁶ Иванова Е. В. Тайландские вещи в МАЭ // Сб. МАЭ. 1973. Т. 29. С. 201—226. — Пользуемся случаем, чтобы исправить ошибку, допущенную в этой публикации: предметы № 1041-42 аб и 1041-43 аб названы «моделью буддийской ступы», на самом деле это урны для праха усопших. — Иванова Е. В. Хозяйство и материальная культура тайских народов Таиланда // Сб. МАЭ. 1966. Т. 23. С. 28—59.

⁹⁷ Иванова Е. В. Одежда народов Таиланда // Сб. МАЭ. 1977. Т. 32. С. 57—79.

⁹⁸ Отчетом о пребывании в Камбодже стала статья И. Г. Косикова «Два года в Камбодже» (СЭ. 1970. № 4).

⁹⁹ Об этом свидетельствуют книга «Этнические процессы в Кампучии» (М., 1988) и участие в коллективных работах «Этнография детства у народов Юго-Восточной Азии», «Календарные праздники народов Юго-Восточной Азии».

¹⁰⁰ Один предмет из этой коллекции (№ 6631-12) — маска, сделанная из скорлупы кокосового ореха, — подарен музею В. Н. Белоликовым.

¹⁰¹ Косиков И. Г. Кхмерский театр теней // Сб. МАЭ. 1973. Т. 29. С. 132—157.

¹⁰² Эти предметы описаны и опубликованы в статье А. И. Мухлинова «Одежда народов Вьетнама и Лаоса» (Сб. МАЭ. 1977. Т. 32. С. 100—105).

¹⁰³ Об этой выставке см.: Иванова Е. В. Выставка «Искусство Лаоса» // СЭ. 1978. № 2. С. 135—137.

¹⁰⁴ Мухлинов А. И. Одежда народов Вьетнама и Лаоса. С. 82.

¹⁰⁵ Итс Р. Ф. Одежда мяо и яо (мань) Вьетнама // Сб. МАЭ. 1957. Т. 17. С. 187. — В коллекции № 732 имеются 11 комплектов одежды мяо и маней (в том числе 10 женских костюмов обоих народов и один мужской костюм маней) и один женский костюм мяо, проживающих на территории китайской провинции Гуйчжоу.

¹⁰⁶ Там же. С. 205.

¹⁰⁷ Об этих поездках см.: Мухлинов А. И. 1) В ДРВ: (Этнографические заметки) // СЭ. 1960. № 1; 2) Поездка в ДРВ в 1962 г. // Там же. 1963. № 6; 3) Хозяйство и материальная культура народа тайхай (ДРВ) // Сб. МАЭ. 1966. Т. 23. С. 11—27.

¹⁰⁸ Шафрановская Т. К. Музей антропологии и этнографии АН СССР: Путеводитель без экскурсовода. Л., 1979. С. 1—122.

¹⁰⁹ Иванова Е. В. Традиционное народное искусство Юго-Восточной Азии // СЭ. 1981. № 3; Итс Р. Ф. Кунсткамера. Л., 1989.

*E. V. Ivanova, A. M. Reshetov***THE HISTORY OF OBTAINING AND RESEARCH OF COLLECTIONS ON SOUTH-EAST ASIA
IN THE MUSEUM OF ANTHROPOLOGY AND ETHNOGRAPHY, ST.-PETERSBURG**

The Museum of Anthropology and Ethnography has valuable collections from many regions of South-East Asia (mostly - 6,5 thousands things — from Islands and only about one thousand things from mainland South-East Asia).

Catalogues of these collections published in this volume by E. S. Soboleva and I. V. Suslova show their consistence and provenance. The article by E. V. Ivanova and A. M. Reshetov gives a review of the history of collections including the circumstances of their obtaining by Museum, their destiny in Museum, the scientific publications dedicated to them.